

Евгения Сафонова

ЛУННЫЙ
ВЕТЕР

Москва
2022

Сага о Форбиденах

Лунный ветер

Когда завтра настанет вновь

Евгения Сафонова

ЛУННЫЙ
ВЕТЕР

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Иллюстрации на переплёте и в тексте
Екатерины Максименко

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Сафонова, Евгения Сергеевна.

С21 Лунный ветер / Евгения Сафонова. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.: ил.

ISBN 978-5-04-160562-9

Это история о туманном Альбионе, каким он мог бы быть: где феи живут рядом с людьми, вампиры рыщут по ночным улицам в поисках жертв, а Инквизиция охотится на колдунов-отступников.

Это история о времени, когда женщины лишь начинают обретать право голоса, а судьбу страны вершит молодая королева Виктория. Это история о девушке, которая любила страшные сказки и мечтала стать героиней одной из них. Когда поместье по соседству покупает таинственный незнакомец, а следом в округе объявляется оборотень и начинается череда загадочных смертей, она решает разобраться, кто всему виной.

Но что делать, если тот, в ком ты подозреваешь монстра, — единственный, с кем ты хотела бы связать свою жизнь?

...А ещё это история о выборе. О судьбе. И о той цене, которую порой нам приходится платить за счастье.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160562-9

© Сафонова Е.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

С глубочайшим уважением к Шарлотте Бронте
и Джейн Остин, светлой памяти Дэвида Боуи.

Спасибо Кире Фроловой, Юле Яковлевой,
Ане Петелиной, Вячеславу Бакулину и всем,
кто любит «Ветер» и другие мои истории.
Этой книги не было бы без вас.

*...От мысленного волка звероуловлен
буду...*

Иоанн Златоуст

Глава первая,

в которой мы знакомимся с корсаром

— Сегодня к нам на ужин пожалует мистер Фёрбиден, — как бы невзначай бросил отец, когда подали десерт. — Я счёл, что настала пора наконец познакомиться с новым соседом.

Матушка холодно изогнула бровь:

— Фрэнк, кажется, я уже высказывала тебе своё мнение на этот счёт.

— Дорогая, мы будем ничем не лучше его, если начнём пренебрегать правилами приличия.

— Нувориш в Хепберн-парке! Бедная леди Энн! Продать имение этому... этому...

— Матушка, это правда, что мистер Фёрбиден — корсар? — подала голос Бланш, прежде чем с бесконечным изяществом отправить в рот кусочек пудинга.

— Он контрабандист, душечка. Не путай. Контрабандисты, в отличие от корсаров, грабят честных людей на суше.

— Нэнси говорила, он привёз в Хепберн-парк сотню сундуков, полных золота и драгоценностей!

— Вполне возможно, что она недалеко от истины, — заметил отец.

— Не забивай голову сказаниями Нэнси, душечка. Она что только не говорит. А даже если так, это не

изменит моего отношения к нему. Боги, мне страшно подумать, что такой человек осквернит наш дом своим присутствием!

— Ничего, — проворчал отец, — думаю, грядущий день и прибытие твоего дражайшего лорда Чейнза его очистят.

Матушка кинула на него испепеляющий взгляд — и папа, вздохнув, поправил салфетку на коленях, прежде чем покоситься на меня.

— Ребекка, — произнёс он ласково и немного встревоженно, — ты ни кусочка не съела.

— Я не голодна.

— Она нервничает, папенька, — прощепетала Бланш. — Ребекка, почему ты так нервничаешь? Джон тоже приезжает завтра, но это ведь не мешает мне спать по ночам!

— Бессонница? — Глаза отца сделались ещё более встревоженными. — Ребекка, что тебя беспокоит?

Я пожала плечами.

— Эти твои страшные сказки, — решил отец. — Сколько я тебе говорил: поменьше читай на ночь!

— Жизнь — самая страшная сказка из всех возможных.

— Что за глупости!

Я стиснула сложенные на коленях ладони в кулаки.

Идти до конца? Впрочем, какая уже разница.

— В сказках герои обычно живут долго и счастливо, — тихо проговорила я. — После свадьбы... по любви.

Тишина, повисшая в столовой, с тихим перезвоном всколыхнула хрустальные подвески люстры.

— Ребекка, — ровно произнесла матушка, — мне казалось, мы пришли к согласию по этому вопросу.

— Да. Согласие выбивали из меня долго и слёзно.

— Ребекка, Том — блестящая партия. Мы и мечтать не могли...

— Матушка, почему я должна расплачиваться за ваше тщеславие? — Сила собственного голоса поразила даже меня, но отступить было поздно. — Мы не бедствуем, и Бланш в надёжных руках. Разве титул стоит моей порушенной жизни?

Матушка аккуратно положила вилку и нож: с разных сторон тарелки, идеально симметрично.

— Я надеялась, мне не придётся этого говорить, но раз ты вынуждаешь... — Взгляд цвета озёрного льда устремился на моё лицо. — Ребекка, меня всегда приводили в отчаяние мысли, что мою старшую дочь боги жестоко обделили своими милостями. Внешность? Весьма на любителя, если быть откровенной. Вышивание или рисование? Помилуйте, эти руки только с виду тонки: это руки свинопаса, не благородной леди. Музицирование? Ни голоса, ни слуха. Танцы? При бесспорной грации движений — никакого желания. Добрый нрав? Упрямство норовистой кобылы — при столь остром уме, что впору порезаться. Да, ты говоришь на двух языках, не считая родного, и все вечера просиживаешь за книгами, но кому это нужно? А в довершение всего — никакого стремления исправлять свои недостатки.

— Маргарет...

— Фрэнк, дай мне высказаться. Да, Ребекка, все эти годы меня утешала лишь мысль, что всё недоданное тебе досталось Бланш. — Сестра на этих словах покраснела, как всегда, удивительно мило. — Однако это не отменяло горечи осознания, что моя старшая дочь, скорее всего, останется доживать свой век старой девой. И тут — не просто шанс, а...

— Бланш оправдала ваши надежды. Я счастлива, что моя сестра обретёт достойного, любящего и любимого

го супруга. — Только бы голос не дрогнул. — Но я так и не услышала ответа на свой вопрос.

— Это и был ответ. — Женщина, родившая меня на свет, надменно вскинула подбородок. — Боги подарили нам сказочный шанс, которого тебе больше не представится. И я не допущу, чтобы ты отвергла предложение Тома, до конца своих дней повиснув на нашей шее мёртвым грузом, вызывая насмешки над собой... и надо мной.

— Маргарет!

Грозный окрик отца я расслышала словно сквозь подушку: буря эмоций, поднявшаяся в душе, странным образом помутила мой слух.

— Ваша точка зрения мне ясна. — Я встала, опершись ладонью на стол. Почему она дрожит? От гнева? И неужели этот тонкий голосок принадлежит мне? — Благодарю, миссис Лочестер.

— Ребекка...

Но я уже выскочила из столовой, не желая слушать, и крики матери и отца летели в спину, пока я бежала к парадной двери: до неё было ближе.

Нет, не остановлюсь. Не дождутся.

По высоким каменным ступеням спустившись с террасы особняка, мимо яблоневого аллея, сыпавшей снег лепестков на садовые дорожки, я устремила на задний двор. Пробежав мимо крольчатника, вошла в конюшню. Ветер, переминавшийся в деннике, встретил меня тихим радостным ржанием. Погладив коня по мягкой морде, я обратилась к подоспевшему конюху:

— Оседлай его, Элиот.

Старик изумлённо оглядел меня с головы до пят.

— Но, мисс...

— Элиот, скорее. — Не объяснять же, что переодеться в амазонку времени нет. — Прощу.

Старик покряхтел, но покорно полез за седлом.

Когда мы с Ветром рысью выехали с заднего двора, матушка стояла на крыльце, высматривая меня в саду. Увидев вздорную дочь, она подобрала было юбку, дёрнулась вперёд, но, вспомнив о чувстве собственного достоинства, застыла на месте, скрестив руки на груди.

— Ребекка Лочестер, — отчеканила она, — я приказываю тебе...

— Я вам не служанка, матушка, — бросила я, прежде чем сорвать коня в галоп.

Лицо матери, искажившееся от изумления, на миг выделилось из круговерти размывшихся окрестностей. Потом его сменила яблоневая аллея, а её — гладь пруда; и когда копыта Ветра прозвенели по каменному коромыслу моста через реку, садовая зелень уступила место вересковым полям.

Бешеная скачка вернула ясность мыслям. В конце концов, что нового для себя я открыла? Что для матери я нелюбимый ребёнок? Это было ясно и так: за все восемнадцать лет своей жизни я не услышала от неё ни единого ласкового слова. «Душечка», «радость», «лилея моя» — всё это предназначалось Бланш, для меня оставалось лишь формальное «Ребекка».

То, что покатые плечи, льняные локоны вкупе с синей омутностью очей и многочисленные таланты нашей благородной матушки достались моей сестре, тоже откровением не являлось. Меня одарили угловатостью всех мест, которые могут быть угловатыми, неуправляемой копной каштановых волн и серой бесцветностью глаз; я когда-то смела считать их цвет подходящим на грозное небо, но матушка поспешила меня в этом разубедить. Каким-то невероятным образом все достойные и недостойные черты наших благородных родителей перемешались, и последние поспешили воплотиться во мне, тогда как первые заботливо подождали рождения

моей сестры. Да, я училась куда лучше Бланш, прекрасно разбираюсь в цифрах, а на коне сидела, по выражению отца, «будто родилась в седле», но... для матери эти таланты явно не являлись главенствующими.

То, что Бланш примет предложение Джона Лестера, я могла предположить задолго до этого счастливого события, свершившегося зимой. Пускай я не находила ровным счётом ничего привлекательного в этом елейном щёголе, но и предложение делали не мне. Конечно, матушку не радовало, что Бланш обручилась прежде старшей сестры, но отец не стал отказывать хорошему жениху лишь потому, что младшая дочь должна «ждать своей очереди». И завтра елейный щёголь прибудет сюда, в Грейфилд, на празднование дня рождения своей невесты; а по такому случаю лорд Дарнелл Чейнз, наш сосед, тоже решил удостоить наше скромное жилище своим присутствием. Вместе с Томом, его единственным сыном и моим дорогим другом.

Учитывая, что лорд Чейнз в последнее время вёл оживлённую переписку с моим отцом, даже слуги знали, что завтра Том попросит моей руки.

Я вынырнула из холодного течения собственных мыслей уже у самой кромки леса. Осадив Ветра, спрыгнула наземь. Уткнувшись лбом в буланую шкуру коня, зарыла пальцы в вороную гриву, постояв так недолго. Скулы, которые отхлестал встречный ветер, горели; шпильки, выбившиеся из причёски, тянули волосы. Я досадливо вытащила некоторые из них, а затем, подумав, избавилась от всех. Зашвырнула шпильки подальше, потрянула волосами, наконец свободными, — и села на мягкий вереск, обняв руками колени.

Некоторое время я смотрела на поля перед собой. Потом откинулась назад, прикрыв ладонью глаза, защищая их от колючего солнца, чтобы взглянуть в хрустальный

купол голубого неба надо мной. Растирая в пальцах вересковые цветы, позволила себе на минуту сомкнуть веки.

Том, Том... зачем я тебе? Кому из нас станет лучше от этого брака? Принесёт ли тебе счастье покорная, но нелюбящая жена?

И будет ли она покорной...

Когда я открыла глаза, то не сразу поняла, почему небо не голубое, а розовое.

Когда же поняла — вскочила и, судорожно отряхнув платье, окликнула Ветра, терпеливо пасущегося неподалёку.

Заснула! Да так, что уже смеркается! Неужели пропустила ужин? Дома, наверное, с ума сходят...

Мост, отделявший поле от сада, Ветер преодолел без единого звука: он летел так быстро, что копыта его едва касались земли, так, как умел он один. Я гнала коня с одной мыслью — успеть, пока градус родительского гнева не достиг точки кипения.

Но, как выяснилось, уже можно было не спешить.

Поручив Ветра заботам Элиота, поджидавшего у крыльца, я медленно поднялась вверх, на террасу: там ждали отец, с облегчением отиравший лицо платком, матушка, сжавшая губы в тончайшую линию, и некто в чёрных одеждах.

— А, вот и блудная дочь, — ледяным тоном проговорила матушка, когда я всё-таки преодолела каменные ступени.

Я ответила ей взглядом, в котором не было ни капли раскаяния.

— Знакомьтесь, мистер Форбиден, — вздохнул отец. — Наша старшая дочь, мисс Ребекка Лочестер.

— Мисс Лочестер, — повторил стоявший меж родителями незнакомец, прежде чем оглядеть меня с головы до ног.

Я знала, что́ он видит. Растрёпанную каштановую гриву, тонкие руки без перчаток, большеротое личико с пылающими скулами и платье в веточках вереска. Посмешище, пародию на благородную леди.

Но это зрелище отчего-то заставило его улыбнуться.

— Гэбриэл Форбиден, — наконец представился мужчина. — Безмерно рад знакомству.

Я молчала, на миг забыв о необходимости ответа.

Его одежды казались отрезом ночного мрака, опередившего время и просочившегося в закат. Новый владелец Хепберн-парка казался моложе моего отца, на вид я дала бы ему от тридцати пяти до сорока. Умиряющее солнце окрашивало багрянцем его светлые, почти белые волосы, прихваченные чёрной лентой в низкий хвост. Черты гладко выбритого лица мужественно-изящны, тонкие губы улыбаются какой-то порочной улыбкой, в руке, облитой чёрной перчаткой, — конский хлыст... Но об ответе меня в первую очередь заставили забыть глаза «корсара». Правый, серебристо-голубой, с узкой чёрной точкой в центре, и левый — карий с зеленоватым отливом, с широким кругом по-кошачьи расширенного зрачка.

Глаза притягивали взор. И не только своей природной поразительностью, но и взглядом: он был уверенным — без гордыни, изучающим — без пытливости, ироничным — без пренебрежения, умным — без кричащего желания выказать собственные знания. Владелец такого взгляда явно знал себе цену, но предпочитал не проявлять свои таланты без особой на то надобности, крайне редко отпирая замки собственной души.

А ещё он был... опасным.

И несколько хищным.

— Очень рада, — всё-таки промолвила я, присев в реверансе.